

АРИНА ХОЛИНА

Письма
на воде

9 785699 339259

ХРОНИКИ ЗАБАЛУЖДЕНИЙ

Арина Холина
Письма на воде

«ЭКСМО»

2009

Холина А. И.

Письма на воде / А. И. Холина — «Эксмо», 2009

Три истории о том, как мужчина и женщина встречаются в разное время. Истории о том, как все могло быть, если бы они познакомились в двадцать, в двадцать шесть и в тридцать два года, – кем они были, о чем мечтали, как изменила их жизнь и как это важно для них самих, для того целого, которым они станут в «правильное время». Но роман Арины Холиной не только об этом. Это первая книга о том, что собой представляют отношения современных любовников, о том, чего хочет женщина и как это переживает мужчина, о перемене ролевых моделей, о трудностях и стереотипах, которые мешают чувствам «дышать».

© Холина А. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Предисловие	5
Если бы они встретились в двадцать лет	9
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Арина Холина

Письма на воде

Предисловие

Я люблю мужчин.

На самом деле я люблю одного мужчину, уже восемь лет. Мне не страшно произносить эти цифры – восемь лет, потому что они ничего не значат – мы с ним один час, тридцать лет, вечность.

Я всегда все делала сама. Мне не нужен помощник. Мне не нужен защитник. Я просто его люблю.

Я люблю мужчин.

Но я ничего не могу поделать с тем, что мир изменился, а мужчины остались такими же. Они не знают, что делать с нами, женщинами новой волны, – бесстрашными, сильными, уверенными в завтрашнем дне.

И если раньше я стеснялась, когда мои книги называли женской прозой, то сейчас горжусь этим. Мужчины... расклеились. Читают боевую фантастику. Ну, и журналы – те, где есть мотоциклы и автомобили.

Эта книга о том, как сложно быть современной женщиной. И о том, как нелегко приходится современному мужчине. Мне захотелось рассказать, почему так странно, болезненно, тяжело и несправедливо развиваются отношения. И еще эта книга о такой любви, которая одна на миллион.

О том, что настоящая любовь – она больше, чем ты, больше, чем все твои принципы, комплексы, страхи и сомнения, кем бы ты ни был – мужчиной, женщиной, председателем все-ленной или тенью на песке времени.

* * *

Никита – самый красивый из знакомых мне мужчин, и я уже много лет храню его, как и золотые часики с отколовшейся эмалью и с утерянным ключом для завода. Часики совершенно бесполезны и привлекательны только с одной стороны – той, где россыпь бриллиантов складывается в надпись «сувенир» и уцелела кобальтовая эмаль. Я часто проверяю, на месте ли они.

Никита так хорош, что не возникает ни малейшего желания им обладать – он как Эрмитаж, где блеск позолоты, череда холодных анфилад и тягость исторической нагрузки вызывают желание немедленно спрятаться на скромной дачке, зарыться в дырявый плед и читать растрепанный детектив.

Мы так давно с ним знакомы, что наши отношения уже можно назвать дружбой, раза два или три мы занимались любовью, но так и не стали любовниками – в том, что случилось, не было страсти. Грусть с оттенком инцеста – да, наша связь была скорее родственной, и те три эпизода, когда мы не нашли лучшего способа помочь друг другу в унынии и разочаровании, не запомнились, расплылись во времени.

* * *

Однажды мы встретились в Крыму, который едва оправился от дикой нищеты, и отдыхающих там встречали, как Восточная Европа – освободителей от ига фашистской Германии.

Был очень жаркий июнь, и мы сидели ночью на пирсе, пили много вина, а новенькая, только что из магазина, с товарным чеком и гарантийным талоном жена Никиты то ли умасливала дома свою тонкую обгоревшую кожу, то ли ожидала немного холостого мужа.

Ее звали, кажется, Ира, но я не могу вспомнить, как она выглядела. На фотографиях она получалась размазанно, или слишком мелко, или отворачивалась – словно нарочно.

Никита меня тогда раздражал – он был одним из тех, кто умудряется все время так или иначе подчеркивать, что он – мужчина с большой буквы, и кажется, что тебе что-то хотят доказать, будто заманивают в секту.

Он платил, оберегал меня, слушал вполуха мои рассуждения – словно снисходя, но когда напился, вдруг забыл все свои приемчики, и открылась другая сторона его личности, будто в часах с бриллиантовой надписью «сувенир» на французском.

Он очень стеснялся своей чувствительности – это был пунктик, даже фобия. Так некоторые девушки переживают, что у них слишком маленькая грудь или большой живот.

Мы говорили о ерунде, о том, что нет в жизни счастья, и тут же спорили сами с собой, потому что счастье было рядом – эта бесконечная ночь, и душистое море, и каждая прожитая секунда были наполнены смыслом.

– Почему в жизни все время случается какое-то дерьмо? – восклицал Никита. – Что с вином? – Он тряс пустую бутылку.

– Я схожу, – отвечала я, а он, лауреат приза зрительских симпатий за мужественность, только икал и кивал в ответ:

– Деньги возьми...

– Да ладно... – отмахивалась я, пьяная и щедрая.

Вернувшись, я отогнала от него каких-то девиц, разлеглась рядом и поделилась умозаключением:

– Ты, Никита, не выпендривайся, – посоветовала я. – Ты уж не молод, и мне не пятнадцать. И не надо мне тут песни петь о том, что жизнь у тебя, такого красивого и смелого, ужас какое дерьмо и нету счастья. Оставь такие разговоры для поклонниц.

– Я серьезно... – заныл Никита. – Все не так...

– Душа моя, вот ты маешься, а что я могу сделать? Это твоя жизнь. Если что тебя не устраивает – только ты можешь это изменить.

– Ты злая женщина. Могла бы меня пожалеть.

– Никитушка... – я погладила его по голове. – Ну, прости. Не хочу я сейчас никого жалеть. Мне это в лом.

Я могла бы многое ему рассказать. Я не была черствой, избалованной – мне было не жаль именно Никиту. Он сам выбрал такую жизнь – одно время я его отговаривала, ругалась, хоть и не имела на то права – он не был моим другом, за которого болело сердце. Я уже израсходовала душевный резерв, отведенный Никите, и больше во мне ничто не отзывалось на его синтетические переживания.

Не помню, каким образом мы столкнулись с рыбаками и сколько Никита им заплатил, но они катали нас на лодке вдоль побережья, и мы пели «Мир не прост...»

А на следующий день я встретила его на набережной – он шел, собирая взгляды женщин, и делал вид, будто их не замечает, сзади плелась его маленькая жена, и лицо у нее было злое – у нее всегда было злое лицо, поэтому и не хотелось его запоминать.

Я кивнула, он кивнул – на этом мы расстались до осени.

* * *

Когда я разговариваю с Сашей, мне часто кажется, что я кричу.

Я люблю ее, уважаю, я – почитательница ее таланта, она восхищает меня всеми своими удивительными качествами, но мне не хватает некоего элемента, чтобы ощутить то самое родство душ, понимание на уровне инстинктов, за которое все так ценят дружбу.

Она всегда сама по себе. Наверное, от деликатности, из опасений переступить черту, повредить чужое личное пространство, но иногда ведь хочется, чтобы в этом твоём личном, даже интимном, наследили, накидали окурков, замызгали – даже протрезвев, ты чувствуешь близость, подсказывающую, что ты не одинока.

Однажды, расставшись с очень плохим человеком, который не меньше полугода казался мне очень хорошим, я поехала с Сашей в Турцию, где собиралась приобрести такое количество новых впечатлений, чтобы не хватало места для старых.

Я вопила: «Давай выпьем все вино! Давай переспим со всеми мужчинами! Давай потратим все деньги!»

Она соглашалась, но с ней все равно было скучно – она пила, напивалась, но ровно в то мгновение, когда на небе появлялись алмазы, говорила что-нибудь вроде: в котором часу мы поедем завтра в Стамбул?

Какой Стамбул? Где это? Зачем? Да нет никакого завтра!

Я любила это чувство перед сексом, когда мужчина вызывает у тебя безудержное, бездумное восхищение, а Саша говорила: у него нет чувства юмора, он мужлан, он жадный – и всегда была права, и мираж исчезал.

Я ее упрекала: дай мне оттянуться, ты!

Я была бабочкой-однодневкой, она – орлицей, которая хоть и витала в облаках, зато и смотрела на все свысока.

Я не могу не уважать и не любить человека, который всегда прав, который видит жизнь такой, какая она есть, но мне это несвойственно.

Я, как упрямый ребенок, нагромождаю одну фантазмагорию на другую, а когда все рушится, пожимаю плечами, говорю какую-нибудь банальность вроде: такова жизнь и выстраиваю все заново. В этом есть оттенок сумасшествия, раздвоения реальности, но безумие меня никогда не пугало, я не умею жить по-другому.

Саша красивая, но ее привлекательность не та, которую можно сравнить с сериалом о Гарри Поттере или романом «Код да Винчи». Она сложная, тяжелая, настоящая, как «Казус Кукоцкого» или же один из поздних романов Франсуазы Саган.

В Сашу надо вчитываться, напрягать ум, набраться терпения – и тогда она раскрывается, тогда ты видишь подлинную удивительную красоту.

* * *

Мне пятнадцать лет. Почему-то я отделяю детство и отрочество от настоящей жизни и веду отсчет с того дня, когда ушла из родительского дома. В детстве у людей нет своего. Ты делаешь то, что тебе диктуют: школа, уроки, фигурное катание, три шапки зимой, первое-второе-третье на обед, не мочи ноги, не смей курить... Ты как бы кто-то другой, пусть и отчасти.

На самом деле я прожила тридцать три года и как-то не задумывалась, что все мои лета для кого-то сжимаются... часов до двух. Или до недели. Есть люди, которые знают меня всего полчаса. Для них я живу ровно тридцать минут. Есть люди, которых я знаю годами, но нашего общения не наберется и на сутки.

С Никитой я общаюсь меньше, с Сашей – больше, но это я их познакомила, и, по их мнению, в этом было мое предназначение.

Я посчитала: за десять лет, что я знаю обоих, мы в общей сложности общались месяца полтора – если считать, что мы уделяем друг другу три часа каждые две недели, иногда больше, иногда меньше.

Это так мало! Совсем ничего, но мы постоянно не можем найти друг для друга время.

Дело в том, что мою большую и интересную – с моей точки зрения – жизнь, пестрящую как радостными, так и трагическими событиями, кто-то воспринимает лишь как короткий отрезок времени, потраченный на то, чтобы объединить двух незнакомых людей.

Так часто бывает.

Человека, которого я знаю всю жизнь, я ценю лишь за то, что он год встречался с девушкой, которая стала моей лучшей подругой. Мы вместе его бросили: она – любовника, я – соседа.

Девушка, от которой мой приятель не мог отделаться годами, в нужный момент устроила его на работу – и после этого отчего-то исчезла из его жизни с концами.

Моя близкая подруга пару лет общалась с чертовски нудной однокурсницей, через которую познакомилась с девушкой Верой – и та каким-то непонятным образом вошла в ее жизнь только ради того, чтобы с помощью молодого человека Веры подруга встретила любовь всей своей жизни.

Любовь осталась, а все эти люди исчезли.

* * *

Временами Никита и Саша так сильно ненавидят друг друга, что нет никаких сомнений в том, что они разойдутся. Никита превращается в ублюдка и подонка. Саша не желает идти ему навстречу, так как считает это ниже своего человеческого достоинства.

Все это правда.

Но они все еще вместе.

Я и мои подруги все много раз бросали приятелей, мужей, нам попадались невозможные типы, и мы надеемся на счастье снова, мы не трусы – не боимся чувств, но вот что-то случается, человек срывает маску – и мы в панике бежим.

А они, Никита и Саша, все еще вместе.

Иногда мне кажется, что Никита – пиво, а Саша – тирамису, и они никак не могут сочетаться между собой.

Но они вместе.

То, что их объединяет, понятно только им.

Но я уверена, что когда некто занимался картой моей жизни, он вписал пересечение – я, Саша, Никита.

Они могли встретиться много раз. У них есть другие общие знакомые кроме меня.

Но, наверное, за какие-то будущие заслуги этот некто лично побеспокоился о том, чтобы они не увиделись раньше времени.

Времени, когда они были несчастны, одиноки, погибали от того особенного холода, который ощущаешь всей кожей, когда тебе отчаянно не хватает любви и близости.

Мы много думали, что было бы, если бы они встретились в другое время. Раньше. Позже. Когда он был женат на своей Ирочке.

Если бы они встретились в двадцать лет

В двадцать лет Никита был конченным придурком. Его религией были цинизм и чисто юношеская крайность, которую он выдавал за убеждения зрелого ума, – он не верил в романтические чувства, насмехался над ними и считал, что стоит выше всяческих сантиментов.

Его девизом была нелепая сентенция: принимайте меня таким, какой я есть, – под бравадные звуки этой фразы от него уходила очередная девушка, а он как будто жил в своей собственной вселенной, где компромиссы были запрещены законом.

Саша тогда уже всерьез намеревалась соперничать с Коко Шанель, но выглядела как человек без воображения – черный свитер, черные брюки, лохматые волосы чуть ниже плеч и очки, которые она упрямо не меняла на линзы. Она то ли не умела, то ли не хотела выставлять себя на показ (чем мы все занимались с завидным вдохновением), чуралась громких разговоров, никогда никого не перебивала, но настаивала на том, чтобы ее внимательно слушали – в любых обстоятельствах. Мы тогда не говорили – кричали, ценили красноречие, яркую внешность, аффективные, театральные манеры.

Характер у нее уже тогда был сложный: упрямая, высокомерная, замкнутая. Я ее сторонилась, но чем-то Саша меня уже притягивала, поэтому я к ней снисходила, была добра – в том смысле, в котором сама это тогда понимала.

Возможно, уже в то время я подозревала, что она сделает нас всех, достигнет высот, которые мы, из лени и врожденного гедонизма, не пожелаем – а если честно, и не сможем одолеть.

Две наши общие приятельницы, Марина, в будущем – кинопродюсер, а тогда – студентка, дочка невероятно интеллигентных и очень успешных родителей, светская девушка, славная безудержным весельем, и Настя, псевдоманекенщица – высокая, худая, очень ухоженная девушка без определенного рода занятий, пригласили Сашу выйти в свет.

Марина и Настя недолюбливали друг друга, но в тот момент не нашли себе лучшей спутницы, Саша им понадобилась в качестве буфера – если они начинали слишком сильно друг друга раздражать, то обращались к ней. Заодно позвали и меня – чтобы было весело.

В реальной жизни я тогда через Марину и познакомилась с Никитой, Саша отказалась от приглашения, Настя разругалась с Мариной...

Если бы Саша тогда согласилась, то теперь у нее, скорее всего, и не было никакого Никиты, а был бы какой-нибудь зрелый, скучный брак, из которого она бы выбралась с решимостью никогда больше не ввязываться в эту жуть – отношения с мужчиной.

Но я рассматриваю гипотетический вариант их встречи в то время.

Около Насти, как обычно, кружили какие-то типы, у которых не было ни малейшего шанса – и они это знали, но, видимо, им очень уж хотелось хотя бы поприсутствовать рядом с красавицей.

Красота ведь хороша не только тем, что ею можно обладать – иначе не существовало бы музеев. Рядом с красотой приятно и почетно находиться, смотреть на нее – уже одно это возбуждает, окрыляет.

Один из таких типов, смешной, толстый и пьяный художник Коля, дольше всех отирался возле Насти, пока наконец Марина не оттащила подругу в туалет и не воскликнула:

– Ты видела, какой у него друг?!

Настя, конечно, не видела – она замечала только свое отражение.

А другом был Никита, он сидел за столом с третьим их знакомцем, взрослым мужчиной Артемом, президентом федерации какой-то там борьбы. Если он и был спортсменом, то много лет назад, а федерация, конечно, прикрывала налоговые махинации, хотя Артем выгля-

дел необыкновенно благородно, интересовался искусством, но не столько картинами, книгами или же спектаклями, сколько веселой богемной публикой.

Подталкивая Колю в спину, девицы протолкнулись к столику, там их и нашла Саша, про которую все забыли.

– Ты похожа на Фэй Даноуэй, – говорил Коля Насте.

Настя на всякий случай нахмурилась, она и понятия не имела, о чем это он.

Коля растерялся, но эстафетную палочку принял Артем:

– Скорее на Софи Лорен.

Сравнение с актрисой, от которой в то время осталось только воспоминание, Насте тоже не понравилось.

– Ну, скажите вы уже ей, что она похожа на Керри Отис! – воскликнула едкая Марина.

Тут настала пора удивляться Коле и Артему.

Вспомнили Микки Рурка и «Дикую Орхидею», которую из мужчин видел только Никита.

– У Рурка есть только один нормальный фильм – «Пуля», – заявил он.

– А «Девять с половиной недель»? – расширились глаза у Насти.

– А «Бойцовская рыбка»? – возмутился Коля.

– А «Таксист»? – ляпнула Марина.

– В «Таксисте» снимался Де Ниро, – поправила ее Саша.

– А ты похожа на Джулию Робертс! – Коля неделикатно ткнул в Сашу пальцем.

Все притихли.

– Да ладно! – хмыкнула Настя.

– Ни разу не похожа! – фыркнула Марина.

– Да вы посмотрите! – разгорячился Коля. – Если бы нос был другой – вылитая!

– Ничего общего! – всплеснула руками Настя. – Глаза совсем не те!

– Ребята, я все еще здесь и хорошо слышу, – заметила Саша.

– Саш, почему ты не красишь волосы в рыжий? – спросила Настя. – Тебе пойдет.

– Насть, это Саша у нас модельер, а не ты, так что заткнись! – выступила Марина, вспомнив о том, что у Насти есть все шансы увести у нее Никиту.

– Ты модельер? – охнул Артем и уставился на простой черный свитер Саши.

К сожалению, в его голосе слышалось скорее недоумение, чем уважение – и всем стало неловко.

– Ну, пока еще нет, – пояснила Саша. – Я только учусь.

Она умела прятать свои чувства – может, берегла их, как скряга, для лучшего повода.

– А ты, Коля, похож на Дени де Вито! – расхохоталась Марина, вступившись за своих.

Все засмеялись, потому что и правда похож, только в негативе: де Вито – темный, Коля – светлый.

– Слушай, Саш, тебе, реально, надо покраситься в рыжий! – стояла на своем Настя.

Марина на нее шикнула.

Саша пожала плечами. Она не любила, когда люди ей советуют, если она их о том не просит. Возможно, потому, что ей часто советовали. Всем казалось, что Саша не в состоянии сама распорядиться собственной жизнью.

Всем хотелось, чтобы она была как все мы, а она всегда отличалась.

Но наши бойкие девицы и не помышляли о том, что в этом ее «изюм». Может, ее трудно было сразу заметить – на голове у нее не голосили проблесковые маячки, и, наверное, это был недостаток – но и невидимой она тоже не была.

Ведь нам только кажется, что невидимое – серенькое, неприметное, скромное. Невидимым становится все, от чего хочется отвернуться, но не жуткое, страшное, а, к примеру, толстая женщина, или прыщавый подросток, или пожилая дама, которой не хочется уступать место в трамвае. Отвернулись – и забыли. Увидели снова – не узнали, будто и не было человека.

Сашу замечали, но не принимали всерьез. Ее нельзя было использовать, и она не представляла угрозы для девушек, а молодые люди в этом возрасте жестоки, потому что застенчивы, они не боятся подойти лишь к тем, у кого на лбу все написано.

О том, что случилось нечто выдающееся, я поняла, когда Саша позвонила мне на следующий день и сказала, что ей срочно надо меня увидеть.

Она приехала, достала из баула краску для волос и попросила выкрасить ее в рыжий цвет. Я ее отговорила, и мы пошли за хной.

Она влюбилась.

Саша и сама это поняла, только не хотела признаваться, потому что тогда бы ей пришлось публично страдать, сомневаться, подсчитывать свои возможности и терпеть неудачу. Она так не умела. У нее не было таланта делиться своими переживаниями.

В отличие от нас, цирка шапито: акробатов, шутов и повелителей иллюзий, мастеров оптического обмана, которые играли с чувствами, как актеры – ух, какие плохие актеры! – Саша хотела, чтобы все было по-настоящему. Она нацелилась на Никиту, взвесила шансы и решила, что его добьется.

Вчера в туалете Настя и Марина делили клад. Они были похожи на незадачливых аферисток из комедий семидесятых – есть только карта с крестиком, а комедианты уже передрались.

– Он мой! – настаивала Настя.

– Почему это?! – подбоченилась Марина. – Это я его нашла!

– Марина, послушай, я тебе его не уступлю! В конце концов, пусть он сам выбирает!

– Ага! Сейчас!

– То есть мы не договоримся?

– С какой стати? Это моя добыча! Ты тут вообще ни при чем!

В тот вечер Никита уехал с Мариной. Красивая капризная Настя его быстро разочаровала – он был одним из тех практичных обывателей, что не ценят красоту саму по себе, ему подавай красоту прикладную, полезную в быту. Красавица проиграла хорошенькой девице с приданным – Марине.

Но тогда мы еще ничего о Никите не знали, и я зубной щеткой накладывала Саше на голову зеленую теплую кашу, а она говорила о том, что в их академии все рисуют одно и то же, никто не понимает, что такое современный силуэт, будущие дизайнеры сочиняют одежду в лучшем случае для матрешек, а она хочет делать что-то такое, что можно носить на улице, поэтому ее ненавидит преподавательница по композиции костюма – считает, будто у нее нет фантазии.

И ни слова о Никите, которого мне уже безумно хотелось увидеть. Почему-то он меня нервировал, хотя, со слов Марины, я поняла – он очень-очень хорош собой.

– А у тебя, вообще, есть другая одежда? – поинтересовалась я у Саши.

– В смысле? – Саша нахмурилась, но вовремя вспомнила, что только половина головы измазана кашей из листьев лавсонии. И самой ей не справиться.

– Саш, ты будущая звезда модной индустрии, а ходишь в каких-то бомжовских обносках! – воскликнула я, ощутив власть, дарованную мне хной.

– По-моему, этот Никита – дешевка, – мрачно и не в тему сообщила Саша.

– То есть? – удивилась я.

– Сначала он запал на Настю. Потом мы приехали к Марине, он увидел пять комнат, доверху набитых антиквариатом, и немедленно перекинулся на Марину.

– И что? Трахни его, и дело с концом, – посоветовала я.

– А может, мне лучше в блондинку покраситься? Как ранняя Мадонна?

Мы тогда проговорили с Сашей всю ночь, и я начала кое-что о ней понимать.

Во-первых, в ней первый раз вспыхнула страсть.

Серьезная Саша, конечно, влюблялась, но каждая ее влюбленность чем-то напоминала правильную диету – когда ты худеешь по пятьсот граммов в неделю, медленно, но безвредно.

Каждую неделю Саша приобретала по полкило чувств к избраннику, узнавала его, привыкала. Несколько раз она срывалась, но эти случаи не оставили в ее душе ничего, кроме недоумения.

– Послушай меня! – Я взяла ее за руку. – Тебе надо с ним переспать и забыть его. Понятно?

– А Марина?

– Марина уже о нем забыла.

Но Марина не забыла. Она выставляла Никиту как трофей, хвасталась им, знакомила со всеми подряд. Скоро мы уже к нему привыкли.

– Можно, можно я с ним пококотничаю? – ныла еще одна наша подруга Даша.

Марина смеялась, разрешала, Никита смущался, но все же подыгрывал.

Мне он так и не понравился. Казалось, он ни на минуту не расслабляется – в этом у него было что-то общее с Сашей – и всех нас оценивает с точки зрения пригодности на товарно-сырьевой бирже. Вдруг мы ему пригодимся. Может, нас придется обменять на что-то еще.

Мы узнали, что он не москвич, а из Мурманска. В Мурманске его растила бабушка, мать пила. Мы тогда не верили, что бывает такая жизнь – ухмылялись, вспоминая какой-нибудь бездарный сериал или телехронику.

Никита в шестнадцать лет, после школы, приехал в Москву, поступил в Бауманский, но быстро сменил его на Институт связи, где можно было не учиться. Несколько лет он жил с каким-то алкоголиком, который завещал ему квартиру и торговал всем на свете – от лифчиков до автомобилей.

С ним сложно было разговаривать: он не читал книг, редко смотрел кино, не запоминал сюжет, не знал имен актеров, не интересовался модой, искусством – и все это можно было бы оправдать, но не хотелось.

Как ни странно, для большинства из нас Никита скоро стал невидимым – и его это, кажется, порядком утомляло.

Однажды Саша позвонила мне в три часа ночи на грани истерики.

Она вошла в квартиру, бледная, с глазами как у ведьмы и сказала, что переспала с Никитой.

– По-моему, это была ошибка, – произнесла она. – Пить!

У нее началось похмелье.

Они встретились в переходе на Китай-городе. И это определенно была судьба – Никита разругался с Мариной на дне рождения одного нашего приятеля, а Саша шла на ту самую вечеринку.

Никита притащил ее в ближайшее кафе, они выпили, и еще выпили, и Саше почудилось, что никакой Марины и не было, и ничего до этого мгновения не было, и завтра тоже не будет.

Так бывает в детстве, когда ты маникюрными ножницами вырезаешь из штор цветы, или выковыриваешь камни из маминой брошки, или делаешь воротнички из кружевной бабушкиной скатерти. Желание такое сильное, что наказание кажется совершенно невозможным.

Он жил в Бескудникове. Саша даже и не поняла, что это за квартира – у нее сузилось поле зрения, она видела только своего возлюбленного.

А на следующий день мы все пошли в кино, и Никита был с Мариной. Как ни в чем не бывало. Все два часа я держала Сашу за руку.

Марина скоро уехала учиться в Америку. У Никиты появилась блондинка Кристина.

Саша еще раз с ним спала – прямо в его машине, когда он отвозил ее домой.

– Это просто секс или что такое с тобой? – спрашивали ее мы с Настей, которая каким-то образом узнала об этой истории.

Кажется, она была в контрах с Кристиной, и мы посвятили ее в тайну.

Саша пожимала плечами. Она и сама пребывала в растерянности.

– Не знаю, как это случилось, – говорила она.

Я к тому времени отчасти подружилась с Никитой. Побывала в его квартире – в комнату, где раньше жил его сосед-пьяница, Никита не заходил, и страшно было представить, что же там творилось, если оставшаяся часть квартиры пребывала в полной разрухе. Ремонт Никита делать не хотел, так как собирался квартиру менять.

– Ты же здесь живешь! – удивлялась я. – Хоть бы стены покрасил. – Никит, это же мусорная куча, а не жилье.

Но Никита не тратил денег понапрасну.

– Послушай, у тебя же девушки здесь бывают, – говорила я. – Тебе не стыдно?

Однако Никиту трудно было сбить с толку.

Он просто снял майку – и я заткнулась.

– Аргумент... – пробормотала я, заглядевшись на его спортивный торс. – Я даже готова сесть на этот стул, если ты клянешься, что на нем никто не умер... Никит, а почему у тебя такая офигенная фигура?

– В смысле? – Он чуть смутился.

– Ну, как так выходит? Спортом ты не занимаешься, жрешь как слон, и вот же подлость – ни грамма жира.

– Я бегаю.

– По улицам?..

– По бульвару.

– У вас тут что, есть бульвары? – удивилась я.

Бескудниково я видела только из окна его машины – и никаких бульваров не заметила.

Есть романтические любовные истории. Есть драматические.

Я знаю девушку, любимую дочь богатой матери, которая ради любви отказалась от всего. Это настоящая история, невыдуманная.

Они учились в одном институте, он – старше на три курса. Почему-то ее богатая мама его невлюбила и пригрозила отказать дочери в пособии, если та останется с ним. Из хорошей квартиры почти в центре они уехали к нему в Выхино. Он бросил медицинский институт на шестом курсе и пошел работать в милицию, чтобы она могла учиться.

В то время они представляли собой странное зрелище: он на глазах превращался в завязатого гаишника – и, поверьте, это вызывало не меньший ужас, чем самое дикое перевоплощение в мистера Хайда доктора Джекила. Это был хам, не скрывающий свою ненависть к миру, циничный взяточник и тот тип выпивох, которые уже после второй рюмки стучат кулаком по столу и называют всех суками.

Никто не сомневался, что если одни люди, полюбив друг друга, объединяют все хорошее, что в них есть, то эти сложили вместе все злое, низменное.

А потом, когда она окончила учиться и нашла работу, он восстановился в институте, устроился в больницу и стал другим человеком. Таким, каким был вначале. Даже лучше. Они поменяли плохую квартиру с двумя комнатами на хорошую, изменили привычки, выражение лица – и все каким-то образом наладилось.

История отношений Никиты и Саши чужда лирике.

Мы вдвоем приехали к Никите, купили какой-то еды, открыли коньяк – было весело, все радовались жизни, а потом вдруг Саша побежала в туалет, и лишь иногда выползала из него, чтобы сделать глоток воды и немедленно броситься обратно.

Она отравилась. Но я думаю, это был знак свыше. Мы ели и пили одно и то же.

Я уехала.

Сашу вырвало на пол. На кровать. Это она потом мне рассказала.

Всю ночь работала стиральная машина.

– Ну почему, почему у тебя такая уродливая квартира? – простионала Саша, когда смогла говорить без риска что-то испачкать.

– Тебе «Скорую» не вызвать? – волновался Никита.

– Не знаю... Подождем полчаса. Если стошнит больше двух раз, тогда вызовем.

Она лежала на диване в трусах, в его старой майке, лицо у нее было бледное, с красными пятнами вокруг глаз, волосы Саша стянула резинкой от денег – но он увидел в ней что-то еще. Может, он никогда так долго, с сочувствием, не смотрел на женщин.

А может, в его кровать еще не попадали женщины до такой степени равнодушные к сексу, как тогда Саша.

Он погладил ее по ноге.

– Ой, не трогай меня, пожалуйста... – простионала Саша.

На следующий день они поехали на рынок, купили краску и неделю ровняли стены.

В двадцать лет никто из нас не задумывается, к чему приведут отношения. Мы живем сиюминутным восторгом, а не планами на будущее.

Я знаю только, что Саша безумно его любила. А Никита стал другим. Смягчился.

Саша показывала ему Альмодовара и нервничала, если он скучал.

– Ну, и что, ты всю жизнь будешь смотреть боевики? – напирала она.

Никита не знал, что ответить, и пожимал плечами. Покорно дремал под Вуди Алена. Иногда даже смеялся.

Она дала ему все, что могла: Феллини, Бергмана, Вендерса...

– Я не буду это смотреть! – кричал он, озверев от фильмов Вендерса, в которых часами нет никакого действия.

Я всю жизнь Вендерса то любила, то не выносила, его фильмы подходят духу тех времен, когда никто не спешил жить и когда сидеть на лавочке и часами смотреть вдаль было не стыдно.

– Ты должен, – настаивала она.

– Почему?! – кипел он.

– Потому, что эти фильмы несут идею, а твои пустые триллеры – просто зрелище, в котором ничего нет.

– Ну что это за идея, что?!

– Посмотри и расскажи мне.

– Бред!

– Никита, ты не обращаешь внимания, что говоришь только о своих автомобилях и телефонах?! С тобой с ума сойти можно! Ты что, так и хочешь всю жизнь гонять машины из Германии?

– А что, этот твой Бендер расскажет мне, как жить дальше?!

– Вендерс. Да, безусловно. Расскажет.

Никита крутил пальцем у виска, открывал новый пакет с чипсами и тараялся в экран.

Как-то раз они зашли в лифт вместе с соседкой, Саша поздоровалась, а соседка отвернулась.

– Что ты к ней полезла? – возмутился Никита.

– Что значит полезла? – обиделась Саша. – Это элементарная вежливость.

– Ты лицо ее видела? За пожалуйста ее в детстве ремнем пороли!

– Да какая разница?! Что, мне опускаться на ее уровень?

– Не надо опускаться, надо правильно оценивать ситуацию!

– Это ты живешь в Бескудникове, это у тебя тут ситуация! А у нас принято здороваться с соседями!

Но в следующий раз Саша уже не обратила внимания на соседку с одутловатым лицом, не пожелала ей впустую здоровья.

Однажды мы поехали на вечеринку. Собралось неожиданно много народу – всем в ту ночь хотелось повеселиться.

Кто-то привел Аню, которую мы, девушки, тут же негласно вычеркнули из списка – это была такая пошловатая особа, вся в кудельках пережженная блондинка с пухлыми пальчиками и большой грудью...

Она была из параллельного мира, в котором читают Юлию Шилову, одеваются в маленьких магазинчиках на окраинах, где живет совсем другая мода – кофточки с перьями, стразами и золотишком. В ее мире не читают журнал «Афиша», не спорят, закончилась ли Франсуаза Саган на «Здравствуй, грусть»! – в этом мире едят, спят, смотрят каждый вечер Малахова и мечтают выйти замуж за мужчину с плазменным телевизором.

Кажется, эта Аня с кем-то росла на одной даче.

– Вы что, поссорились? – спросила Настя у Саши.

– Еще нет, – буркнула Саша. – Но это не за горами...

Никита, словно и не заметив, что Саша где-то рядом, весь вечер ухлестывал за Аней. То ли она приманила его сиськами в позолоте, то ли им овладело помрачение рассудка, но скоро это уже было не смешно – они сидели рядом, хихикали, занятые только друг другом.

– Я пойду, – сказала Саша.

– Я с тобой! – воскликнула я, хоть мне не хотелось уходить.

Мы с Настей посадили Сашу в такси.

У всех не возникло никаких сомнений в том, что у Никиты с этой Аней что-то было. Он ведь повез ее домой.

– Ты охренел? – орала я ему на следующее утро.

Никита молчал, но я будто слышала эту его присказку: принимайте меня таким, какой я есть.

Скоро он заскучал без Саши и пришел извиняться.

Черная от горя Саша твердила ему:

– Ты сделал мне больно.

Никита ей врал. Говорил, что ничего не было.

– Ну почему ты так со мной поступаешь?! – Саша не умела орать, поэтому выглядела жалко.

Никита в ответ бубнил, что ему хочется свободы, флирта, что их отношения сковывают его, он не такой, то есть с Сашей ему хорошо, но не надо накидывать ему удавку на шею...

И она его простила. Не потому, что действительно простила, а потому, что не могла без него.

– И что ты в нем нашла? – лениво интересовалась Настя, которой, по большому счету, не было до них никакого дела.

Вначале ее увлекла их история – но лишь потому, что Никита ее отверг.

– Как я могу это объяснить? – разводила руками Саша.

– Саш, ты все можешь объяснить, – уверяла ее я.

– Он – мой, – говорила она.

Вскоре в нашей компании появилась новая девушка Соня с грузинской по маме фамилией Мегрелишвили.

Она была очень эффектной, но сумасшедшей.

Поначалу Соня Мегрелишвили – Семенихина по папе – вела себя тихо, женственно. Кротко смотрела на мужчин и, затаив дыхание, слушала других женщин. Но ровно через час срабатывал какой-то внутренний будильник, Соня хваталась за водку и напивалась до полней-

шего безобразия. Она хохотала. Заламывала руки. Рыдала в туалете. Подходила к мужчинам и требовала:

– Увези меня отсюда!

Мы не успевали ее ловить.

Никите она не могла не понравиться. Ему было все равно – ядовитая ли девушка, есть ли у нее шипы, грызет ли она мебель. Он был естествоиспытателем и коллекционером, которому главное – открыть новый вид.

Некоторое время он ничем себя не выдавал, потом исчез на неделю.

Мне донесли, что его видели с Соней – и я мучилась: говорить или нет Саше?

Так или иначе – лучше не будет, рассудила я и промолчала.

Проболталась Настя.

– Это конец, – сухо произнесла Саша и попросила нас забрать у Никиты ее вещи.

Вещей было немного – косметика, фен для волос, домашние штаны.

Нам было неловко. Никите, кажется, тоже.

– Зачем ты это делаешь? – спросила я, хоть и клялась себе не лезть в их отношения.

– Я такой.

– Достойный ответ, – буркнула я.

– А я что-то обещал? – раздухарился Никита. – Мы просто иногда встречаемся! Она не моя девушка!

Прошло несколько дней, и Никита ощутил пустоту. Он заблуждался, думая, что это он нужен Саше. Никита привязался к ней уже потому, что никто не делал для него так много.

Но Саша не хотела его видеть – она была слишком несчастной и оттого слишком уязвимой.

Несчастливая Саша тогда мне малость поднадоела – я все еще не считала ее своей подругой и устала с ней возиться.

А вот Никита нравился мне все больше. Невольно, через Сашу, я узнавала его и даже симпатизировала его самоуверенности, его наивному желанию жить так, как хочется. Я стремилась узнать, возможно ли это. В моей жизни были смешные недельные влюбленности, измены, ссоры, лучшие подруги на час, и все это разнообразие так меня вдохновляло, что я стремилась к единомышленникам. Правда, в отличие от Никиты я так и не научилась легко и без угрызений совести причинять людям боль.

Мне казалось, что Саша зря старается приручить его – он был всеобщий мужчина, он не мог принадлежать кому-то одному. Каждая могла надеяться на роман с ним.

Мне нравилось встречаться с ним и его очередной девушкой. Иногда девицы были приятные, иногда – красивые и самодовольные, иногда – жуткие, от одной страшно несло потом, и я все издевалась над ним: спрашивала – замачивал ли он ее в порошке или в хлорке? Никита злился и отвечал, что у них ничего не было.

Однажды он позвал меня стать третьей – он, его девушка и я, но был мною отвергнут с возмущением.

Мы провели странные и восхитительные две недели: он, я, его девушки, клуб «Секстон», его приятели байкеры, оказавшиеся преувеличенно галантными, словно какие-нибудь мушкетеры Александра Дюма.

А потом Саша к нему вернулась.

Не знаю, зачем ему это понадобилось – может, он вкусил прелесть близости, таинственное ощущение счастья от того, что тебя кто-то ждет.

Он изменял ей постоянно. Но научился это скрывать.

Изменял даже тогда, когда любил, когда скучал.

Я заметила, что не общаюсь с ними вместе: только отдельно с Сашей, отдельно с Никитой. Вдвоем они либо наводили тоску, либо сюсюкались.

– Он открывает для меня новые грани отношений. Я была у подруги, позвонила ему в три часа ночи. Ведь мы договорились, что я позвоню, когда буду уезжать. Попросила забрать меня. А он сказал, что устал и не хочет никуда ехать. Как же так? – Саша растерянно смотрела на меня. – Я приехала на такси, позвонила снизу, а он говорит, что уже спит. Неужели так трудно спуститься и меня встретить? Я же не виновата, что у него в подъезде спят бомжи.

Я думала, что на месте Саши развернулась бы и поехала домой. Наверное. А Саша мужественно поднималась на шестой этаж, мыла посуду – она на дух не выносит грязную посуду – и ложилась рядом с Никитой.

– Я не понимаю... – трясла головой Саша. – У меня температура тридцать восемь, я лежу, помираю, голова кружится. Один раз он принес чай, сходил в аптеку. Вернулся хмурый. Ты же понимаешь, на следующий день мне лучше не стало, ангина все-таки. И знаешь, что он отчубучил?! «Ну что ты расклеилась? Встала бы, сходила в магазин, подышала воздухом!» Он не в себе?

– Наш роман начался с блевотины... – грустно заметила она. – О чем тут можно говорить?

– Так странно получается... – грустила Саша. – Я иду со своими друзьями, он – со своими. Мы встречаемся только в квартире. Это нормально?

– А тебе не кажется, что это только по-твоему у вас роман? – сказала я. – По-моему, Никита не считает себя связанным обязательствами.

Я не понимала, зачем Саше это надо. И спросила ее.

– Я не могу сейчас с ним расстаться. Это будет слишком больно, – ответила Саша и взглянула на меня измученными глазами.

И тогда я поняла, что надо держаться этой девушки. Она была в миллион раз умнее всех нас.

Мы рвали душу в клочья, тратили себя на красивые, но бесполезные чувства. А Саша обходила стороной все эти вульгарные представления – она была не клоуном, она была настоящим трагиком.

Мы страдали, если нас отвергали – но неудачи лишь ранили самолюбие, не задевая жизненно важных органов, а Саша по-настоящему мучилась от неразделенной любви.

Я поговорила с Никитой.

– Ну что ты ее мучаешь? – упрекнула я его.

– Никого я не мучаю! – ответил Никита, поглядывая тем временем на высокую худенькую блондинку.

Я не могла его раскусить. Может, в этом и есть не выразимая словами разница между мужчиной и женщиной: женщина чувствует ответственность за каждое свое слово, за любой поступок, а мужчина просто делает то, что хочет, и это не вопрос воспитания, это происходит на уровне клеток, это органика. Хотя лично я не верю в органику. Но другого объяснения нет.

Саше хотелось, чтобы ее любили. Хотелось романтики, доказательств, преклонения – еще одна очень женская потребность. Она огорчалась, что Никита черствый, резкий, она догадывалась о его изменах, но никак не могла смириться с тем, что даже если бы он был ей верен, то не мог бы дать того, о чем она мечтала. Он просто был не такой.

Он точно знал, что в любом случае все сводится к сексу, и отвергал все предварительные игры, поэзию. Он не чувствовал себя виновным и не собирался доказывать кому бы то ни было серьезность или легковесность своих намерений.

С Сашей тогда было очень тяжело – она не умела страдать вслух, любое слово нужно было из нее вытягивать: как будто мы с ней были две команды по перетягиванию каната. Я содрала себе с ней все руки, меня это раздражало, я тайно сочувствовала Никите, хоть и понимала, что он не прав, что он – плохой человек.

Никита влюбился. В ту самую худенькую блондинку, которая оказалась Викой.

Вика была, конечно, очень красива – и это торжество эволюции стало нашим всеобщим Ватерлоо.

Долгое время мы считали самой красивой Настю – скорее благодаря ее самоуверенности, чем природным качествам. Настя была, наверное, работой великого автора, над которой тот, достигнув могущества и сложив в темный угол мировую славу, посмеивается, даже стесняется ее, но все же немного любит как часть самого себя.

Вика была шедевром. Не просто совершенством – она вся светила.

У них с Никитой было много общего. Она приехала в Москву в шестнадцать лет, с бестолковой матерью и старшей сестрой – теперь угрюмой замужней женщиной двадцати пяти лет, которая сразу же из-под венца превратилась в тыкву.

Вика где-то кем-то работала, кажется, даже крупье, потом у нее завязались сложные отношения с женатым мужчиной.

Мужчина бредил ею, но не разводился – от этого решительного шага его ловко удерживала сама Вика, одновременно подогревая в нем чувство вины. Она говорила, что не может разрушить его брак, не простит себе этого, но при том так удачно страдала, что любовнику дешевле было бы пару раз развестись – печальная Вика вытянула из него намного больше, чем он потерял бы при разводе.

Вика присоединилась к нашей компании не из-за Никиты.

Мы ей понравились. Она перешла на новый уровень – ей хотелось не только полезных, но и веселых знакомств, а все мы, разномастные, в целом представляли собой довольно колоритную группу золотой молодежи.

Почему-то никто ее не возненавидел. Она была настолько хороша, что девушкам не было никакого проку с ней соперничать, молодые люди же быстро пришли в чувство – для них Вика была недоступна.

И только Никита не мог успокоиться. В его переживаниях не было и толики того, что другие люди называют любовью – он хотел ее физически, но мечтал об этом с таким неистовством, что казался безумцем.

– Никит, нет ощущения, что об тебя вытирают ноги? – спросила я его, когда Вика прислала ему очередное сообщение из серии: «Можешь отвезти меня домой? Я в Барвихе пьяная».

Вика не была коварной оболстительницей, сердцедакой. Просто у нее было так много поклонников, что она могла выбирать. И любой мужчина понимал: либо он едет за ней в Барвиху, или же она найдет для этих целей кого-то еще.

Саша знала, что у него с Викой ничего нет.

И у нее хватило уважения к себе, чтобы не возненавидеть Викторю. Она ненавидела Никиту.

– Я не понимаю, у тебя что, проблемы с сексом? – возмущалась я. – Да ты завтра же найдешь себе нового мужика, и лучше, и краше!

Я преувеличивала, но не слишком.

Просто ни один человек не заслуживает того, чтобы им пренебрегали.

Всегда найдется тот, кому отчего-то необходимо тебя любить, и вопрос лишь в том, с кем ты его сравниваешь.

Саша была мудрее всех нас, но ей было всего двадцать лет, и она просто никак не могла отказаться от своих надежд. Если в двадцать ты говоришь себе: тот человек мне не подходит, потому что он – эгоист и никогда не будет любить меня так, как я того заслуживаю, значит, с тобой что-то не в порядке.

Так можно сказать лишь в двух случаях: если ты не влюблен, или когда тебя даже не ранят, а срывают наповал или бросят, и ты принимаешься запоздало утешать себя.

Саша не могла оставить борьбу.

– Почему? – настаивала я. – Почему он?

И Саша мне рассказала.
Секс был потрясающий.

Когда человек влюблен, все искажается – внешность, характер, секс. Любовь – царство кривых зеркал, где все делается лучше. Но однажды ты обнимаешь любимого, целуешь, и все на первый взгляд как обычно, и вдруг оказывается, что он двумя руками не может найти в штанах собственный член. Чары прошли.

Случается и так, что идут годы, и ты все чаще сомневаешься, надо ли оставаться рядом с этим странным человеком, – но едва вы оказываетесь в постели, начинается магия.

Никита был нежным. Его нежность ничего не значила, он просто любил ласковые прикосновения, он тискал Сашу как кошку, для которой через минуту не жалел пинка – если кошка не только брала то, что он давал, а еще и требовала добавки.

Никита никогда не был злым – его просто не интересовали желания других людей. Он и не догадывался, что нужно обращать на это внимание.

Была и еще одна особенность. Никита любил жизнь. Он приходил домой поздно, после какой-нибудь девицы, и действительно радовался тому, что дома Саша, и любил ее, и покупал ей что-то вкусное, и мог среди ночи ее разбудить, если ей снился кошмар (пока Саша была с Никитой, кошмары ей снились часто), прижать к себе, пожалеть, подогреть для нее молоко.

Она не могла без того хорошего, что в нем было.

Но если чувства он раздавал без разбора, то в материальном мире все считали его прижимистым. Никита в уме подсчитывал каждый рубль. Хорошую машину он купил только потому, что это было вложение – на машину он ловил девушек.

Одевался очень скромно, причем в явно поддельные вещи с надписями «Армани», «Гуччи».

Когда Саша выкинула все его барахло, был скандал. Никита рвался в Теплый Стан, к спекулянту, торговавшему всеми этими тряпочками, и едва не плакал, когда Саша спрятала ключи и заявила, что одеваться они поедут вместе.

Он все-таки уговорил ее отправиться к спекулянту. Саша доложила, что чуть не плакала – в этой квартире убогие и сырые, поддельные одежки выглядели рабами где-нибудь на Тортуге – их всех хотелось спасти, что было абсолютно невозможно. Саша утатила Никиту из этого дома скорби и отвела в нормальный магазин.

Она купила ему хорошую одежду. По идее, Никита должен был предложить и ей приодеться, но наш скупой друг только угостил ее обедом.

Саша уверяла, что так даже лучше – она всего добьется сама, ни от кого не будет зависеть. Она просто не знала тогда, как это приятно, если кому-то для тебя ничего не жалко.

К его изменам к тому времени она, кажется, привыкла.

– Заведи себе кого-нибудь, – предложила ей Настя.

Саша насупилась. Наверное, она не умела «заводить» – она умела влюбляться, и наши циничные советы, наши лихие истории были ей не то что неприятны, она просто замыкалась в себе, отстранялась.

– Тебе нужно с кем-то срочно переспать! – заладила Настя.

Я пнула ее ногой. Тогда Саша уже придумала и сшила платье для моей младшей двоюродной сестры на выпускной. И когда все девочки пришли в школу либо в чем-то дурачком, либо в дорогом, женском, наша Алена поразила даже меня. Строгое сверху, с круглым вырезом под горлом и длинными рукавами платье завершалось очень короткой юбкой-розой. Платье было черным, и к нему мы приделали мамину брошь. Худенькая Алена, с трогательными ножками-стебельками была самой красивой на балу. Все родственники гордились ею, а я гордилась Сашей.

Она же как будто и не поняла, за что ее хвалят – просто сделала то, что умела.

Саша пошла по рукам. Тетка, подруга тетки, коллега подруги, дочь подруги подруги...

И первое, что Саша сделала на свои деньги, – купила дорогие сапоги и сумку. Такие дорогие, что удивилась даже Настя.

– Мне больше ничего не понравилось, – сказала Саша.

Несомненно, каждая из нас придумала бы целую историю, уверяла бы, что нельзя стать богатой, если экономишь на себе, и что эти сапоги – залог скорого благополучия и процветания.

А Саше просто ничего больше не понравилось. Для нее странным образом не существовало ничего уродливого, грязного, глупого, низменного. У нее были особенные фильтры, которые все это отсекали.

Как выяснилось много позже, у нее было два одинаковых черных свитера от Донны Каран, черная водолазка от Гуччи и несколько черных футболок от Москино. Весь ее гардероб. Брюки и джинсы она шила сама.

Саша считала достойным внимания только красивое, талантливое, добротное.

Никита же, наоборот, был в этом смысле очень небрежен – он словно и не замечал, что живет в унылом квартале, в противной квартирке, которую Саша преобразила, но этого он, казалось, так и не увидел. Он покупал еду, которая была отвратительной, а если хотел секса – мог переспать с кем угодно.

Однажды я встретила его с настоящей женщиной-гоблином: низкорослое существо без шеи, с ногами без изгибов, с руками-кувалдами.

Было в нем это странное безразличие – он не воспитывал в себе чувство прекрасного.

Саша научила его жить. Сказала, что жить надо сейчас, а не завтра. На последние деньги.

Мы все знали, что когда-то Никита был очень бедным. Он ходил в школьной форме весь день, потому что у него были одни брюки – их берегли для особых случаев. Они с бабушкой ели перловую кашу с кильками в томате – даже страшно вообразить эту бурду.

Никита воровал стержни из ручек, когда у него кончались чернила.

Он рассказывал мне, как в четырнадцать продал машину доброго и ленивого соседа, а разницу забрал себе.

Тогда он понял, что деньги можно делать из ничего – и это был восторг человека, у которого ничего нет. Не нужны мамы. Не нужны папы. Не нужно получать образование.

Он ездил в Германию за машинами и убивался за каждый пфенниг. Он был корифеем торгова.

И в конце концов он сторговался с Викторией.

Саша к тому времени почти успокоилась, сочинила правило, по которому не запрещено платонически влюбляться: Саше – в Хью Джекмана, Никите – в Викторю.

У нее было много работы и она почти не ходила с нами в люди, поэтому Виктория казалась ей такой же недостижимой, как далекие звезды Голливуда.

Никита ненавидел оправдывать свои поступки, поэтому просто уехал с Викой на море.

Мы сначала не могли понять, отчего же она согласилась, но Вика все пояснила сама. Ей захотелось оторваться. Узнать, каково это – быть молодой и беззаботной.

Никита мог ей это предложить – и она взяла по сходной цене. Поставила только условие – отель пять звезд на Кипре. Хорошая машина напрокат. Новый купальник от Кастельбажака.

И Никита уехал, не сказав Саше ни слова.

Мы оборвали ее телефон. Мы стучали в дверь. Расспрашивали соседей. Настя искренне волновалась. Даже поплакала.

Саша объявилась на третий день и сказала, что изменила Никите.

– Как это было? Как это было? – кричали мы, но она только пожимала плечами.

Был у нее один поклонник, Миша. С нашей общей точки зрения – скучный тип, но Саша клялась, что он остроумный и знает так много, что даже кружится голова.

Если бы не было Никиты, Саша встречалась бы с Мишей.

В этом был определенный расчет – Миша жил в собственной квартире.

А Саша – и это была еще одна причина, по которой она не хотела расставаться с Никитой, – устала жить с родителями.

Я бывала у нее дома.

Ее мать была самопровозглашенным тираном. Вооружившись пронзительным голосом, истериками, ипохондрией и обидчивостью, она подавила сопротивление родных и установила единовластие.

Саша любила ее. Мать любила Сашу. Но Агния Богдановна не умела считаться с чужим мнением.

Мы сидели у Саши в комнате, рассматривали ткань, из которой Саша собиралась сшить себе платье. Зашла Агния Богдановна – конечно, без стука. Деликатный отец Саши, Евгений Владимирович, по десять минут шуршал у порога, робко царапал дверь, покашливал, пока Саша не выходила из себя:

– Папа! Ну заходи же!

Агния Богдановна врывалась, как налоговая полиция.

– Что это такое? – возопила она.

– Это материя, – ответила Саша.

Агния Богдановна нахмурилась.

– И что?! – фыркнула она. – Ты будешь это носить?

– Не исключено, – Саша уже теребила пальцами губу, как делала всегда, когда волновалась.

– Этот цвет тебе не идет! – постановила Агния Великая.

– А мне кажется... – встряла я, но меня немедленно заткнули. Я была младшей фрейлиной, и слова мне не давали.

– Мама, мне идет этот цвет. Он всем идет.

– Да ты с ума сошла! – вздрогнула Агния Богдановна. – Ты и так бледная как поганка, а с этим цветом у тебя вообще лица не будет!

– Мама, тут я дизайнер, ладно? – закипела Саша.

Они ссорились так долго и безнадежно, что я потихоньку ускользнула, и Саша отловила меня в дверях.

– Не уходи, – попросила она.

– Ужинать! – ударом гонга разлетелся вопль Агнии Богдановны. – Ты куда собралась?! – накинулась она на меня. – Я для кого все это готовила?!

Это была очень дружная семья. Они полюбили даже меня, которую видели три раза от силы. Агния Богдановна всегда слала мне приветы.

Но Саша больше не могла жить с ними. Мать мечтала превратить ее в комнатную собачку, которая дрожит при виде чужаков, а при мысли об открытых пространствах, где растет трава и светит солнце, писается под себя.

Но у Саши это не получалось. Она, как и Агния Богдановна, считалась только с собственным мнением.

– Ну, и что, он лучше Никиты? – поинтересовалась я, когда узнала о Мише.

– Это было неплохо, – Саша покачала головой.

– Что значит «неплохо»?

Саша задумалась.

– Наверное, я непривередлива, – произнесла она. – Ты же понимаешь, я бы не легла с ним в постель, если бы он мне не нравился.

– Кто знает? – пожала я плечами. – Всякое бывает.

– Да нет! – отмахнулась Саша. – Он умный, с ним хорошо... – она осеклась. – Но как-то... Не знаю даже. Наверное, с ним все понятно. Я тебе могу расписать наше будущее лет на триста вперед.

– А с Никитой ты не можешь точно сказать, во что превратится ваша жизнь через два часа, да?

– Это тоже нехорошо, – согласилась Саша. – Но ты ведь понимаешь, нам всего двадцать лет... Что можно ждать от наших отношений? Мы еще ничего в жизни не видели. Может, это нормально? Пусть он мне изменяет, я буду ему изменять. Надо же нагуляться.

– А зачем... нагуливаться рядом друг с другом? Может, надо это делать по отдельности?

– Так уже случилось. Что тут можно поделывать?

В двадцать лет ты совершаешь много глупостей. В два часа ночи садишься в «БМВ» к незнакомому мужчине. Занимаешься любовью без презерватива. Пьешь абсент из горла. Одалживаешь подруге туфли. Дашь поводить папину машину пьяному другу без прав.

Саша, например, верила в любовь, которая пройдет через все испытания и станет крепкой, как алмаз. Наверное, именно поэтому возлюбленным и дарят бриллианты – как знак надежности и нерушимости отношений. Почему-то я долгое время считала, что если по бриллианту ткнуть молотком, он не разобьется. Разобьется. Останется алмазная пыль, в которой прекрасно только название.

Миша делал все правильно. Он ухаживал. Дарил цветы. Но мне все равно казалось, что Саша собралась замуж за богатого араба, у которого где-то там есть гарем, а для Саши уже наняты евнухи и куплен хиджаб. Я ее хоронила.

О собственной жизни я знала только три вещи: в декабре начнется сессия, каждый час я хочу курить, на день рождения мне подарят шубу. Все остальное представлялось мне хаосом, космической туманностью.

Миша, казалось, лет с трех имел точный план. После школы он поступил в МГИМО, откуда перебрался в Оксфорд, получил там какой-то диплом по бизнесу и немедленно устроился в международную корпорацию. Он был тем самым человеком, которому действительно нравятся корпоративные вечеринки, тренинги и прочая офисная субкультура.

То, что он живет будущим, все время планирует что-то наперед и не совсем присутствует в настоящем, не вызывало симпатии.

Мне он казался не человеком – призраком.

Но Миша исполнял роль санатория для язвенников и людей со слабой печенью, в котором Саша, среди пенсионеров и нытиков, отходила после изнурительной болезни.

Если бы Никиту и Мишу можно было соединить в один организм – получился бы отличный любовник, но надо было выбрать, а Саша устала.

Миша стал докучать Саше очень скоро. Она чувствовала себя матерью, а его – нервным и сложным ребенком, который непрерывно требует внимания.

– Смотри, какой я хороший! – Ребенок подпрыгивает от возбуждения.

Он хороший! Он делает маму счастливой! Он – молодец!

– Ага... – фальшиво улыбается мать, которой хочется полистать журнал. – Иди погуляй, а? Поиграй с ребятами...

Никита вернулся и немедленно разругался с Сашей по какой-то надуманной причине. Он не хотел ее терять, но ему было стыдно.

Тогда нам казалось, что это чисто мужская манера – отомстить миру за то, что ты наделал глупостей.

У нас просто не было других подруг, которые поступали бы так же. Мы все, так или иначе, были хорошими людьми. Безалаберными, легкомысленными, у нас не было другой цели в жизни, кроме как получать удовольствие, но мы умели быть верными, умели сопереживать.

Саша быстро собрала вещички и перебралась к Мише.

Никита вышел из себя.

– Никита, ты просто примитивный мужлан, который не может вынести, что его бросили, – скармливала я ему свою нехитрую мудрость.

– О чем ты говоришь! – ужаснулся тот.

Я и не догадалась, что он страдает. Кто бы мог подумать, что без Саши Никите будет плохо? Он и сам не мог. Он понятия не имел, как много она для него значит.

Это была настоящая трагедия – он не хотел ничего менять, не мог отказаться от жизни, полной приключений, новых женщин, но ему было больно. Мужчины, и это совершенно точно, намного хуже женщин переносят боль.

У него открылась язва.

Саша, по легенде, все это время торчала на даче.

Но когда мы наконец встретились, я ее не узнала.

Я отступлю от повествования и вспомню одну историю.

Однажды мы шли с Настей по улице. Это было осенью, сумерки сгустились, похолодало, но мы не спешили, потому что целый день бродили по городу и ноги нас не слушались. Мы говорили им: «Эй, давайте уже быстрее, мы замерзли, начинается насморк!», но ноги делали вид, что не слышат, и кое-как ковыляли.

Нас, инвалидиков, обогнала женщина. Лица ее мы не увидели – она шла впереди, мы – сразу за ней. Но лицо не имело ни малейшего значения.

Не было никаких сомнений в том, что женщина – проститутка.

Выглядела она заурядно: коричневая кожаная куртка, короткая, но не слишком, легкая юбка в рюшах, черные полупрозрачные колготки, сапоги на низком каблуке.

Она шла небыстро (но мы-то плелись еще медленнее!), такой сложной вызывающей походкой, в которой можно было найти тонкий намек на знаменитую походку Мерилин Монро.

И невозможно объяснить, каким образом все: мы с Настей, азербайджанцы на автобусной остановке, какие-то типы в машине, что притормозила и кралась вдоль тротуара, встречные и поперечные – поняли, что это продажная женщина.

Я набралась наглости, обогнала ее и кинула взгляд на лицо. Обычная физиономия. Ни красной помады, ни клейма на лбу.

Не надо было слов, спецодежды, особенного поведения. Она посылала сигналы.

И когда мне теперь говорят об энергетике, о невербальном общении – я понимаю, о чем речь.

Саша не изменилась внешне. Не похорошела. Наоборот, она простудилась, у нее распух нос.

Но весь ее облик сообщал о том, что это уверенная в себе женщина. Женщина, которая влюблена и которую любят.

Как выяснилось, влюблены в нее были Миша с Никитой, а она сама влюбилась в соседа.

В доме, где жили ее родители, некто купил квартиру прямо над ними. Некто оказался человеком со средствами и затеял серьезный ремонт. Агния Богдановна сходила с ума. Ругалась с прорабом. Ей казалось, что против нее плетут заговор. Сосед и правда разошелся. Он рушил стены. Снял пол. В квартире стояла маленькая бетономешалка.

И вот наконец Саша столкнулась с этим таинственным господином.

Это был мужчина лет тридцати пяти, высокий, крепкий, загорелый. Синие джинсы, короткое черное пальто, кольцо из белого золота с ониксом.

– Он мужественный! – описывала его Саша. – Понимаешь? Самец в хорошем смысле слова. Очень вежливый.

– Красивый? – спросила я.

Саша закатила глаза и вздохнула.

Позже я поняла – у нее слабость к красивым мужчинам. Даже Миша был хорош собой. Это трудно было заметить – сначала ты сталкиваешься с его корпоративными ценностями, чуть позже – с элегантным опозданием появляются энциклопедические знания, потом – Оксфорд, а он сам, Миша, забегает лишь на минутку, как хлопотливая хозяйка, которая не успевает поест в заботе о гостях.

Он был высокий, спортивный, с приятными русыми волосами и ухоженной кожей.

– Вам какой этаж? – спросил сосед, когда они с Сашей столкнулись в лифте.

– А вы тот самый мистер икс с шестого этажа, который год ремонт над нами вел?! – воскликнула Саша.

Она призналась, что одно присутствие этого мужчины делает ее женственной и сумасбродной.

Тот кивнул.

– Я клянусь тебе, он похож на Хью Джекмана! – Саша сложила ладони на груди. – У него такие руки...

– Как грабли? – поддела ее я.

– Как грабли! – с восторгом согласилась Саша.

Он любезно пригласил ее посмотреть квартиру. По-соседски.

Саша, разумеется, не отказалась. У нее даже разыгралась фантазия. «Не хотите ли взглянуть на эскиз Пикассо? Он в спальне...»

Но сосед, увы, отличался старосветской галантностью.

Звали его Сергей – и отчего-то это приводило Сашу в восторг. Она уверяла, что никому так не идет имя Сергей.

Квартира ей приглянулась. Саша вздохнула с облегчением – она бы не пережила дурной вкус, пошлость.

Саше очень нравилось, что Сергей взрослый, с хорошими манерами, крупный, брутальный.

– В нем можно спрятаться, – говорила она.

Пока Сергей угощал Сашу вином, она дрожала от страсти, разрывалась между приличиями и желанием на него броситься. Но Сергей, как настоящий мужчина, управлял процессом.

Многим кажется, особенно в двадцать лет, что мужчина только и думает о том, как бы уложить девушку в постель. Мы судим по сверстникам, для которых любовь – это секс. Но для взрослых мужчин отношения, чувства – это не просто секс, это узнавание, ухаживание, предвкушение. Для взрослых мужчин, которые повзрослели – не для тех, кто так и остался в последнем классе школы на двадцать пятый год.

Сергей и не собирался торопиться.

Саша выползла от него охмелевшая и ошарашенная. Она тихо, на цыпочках, поднялась на последний, девятый этаж, закурила и приложила лоб к холодному и пыльному окну.

Ей хотелось вернуться и заорать:

– Возьми меня!

Вместо этого она выкурила пять сигарет подряд, потом пошла за коньяком, так и не добравшись до родителей.

Она нарисовала очень женственную коллекцию, с широкими пышными юбками, с мечтой о временах, когда девушки выставляли напоказ свою незащищенность. И получила неуд.

– Почему?! – бросилась разъяренная Саша на преподавательницу.

Во-первых, Елена Николаевна считала Сашу мямлей.

Во-вторых, она благоволила только подлизам и тем бездарностями, которые учились ради оценок, а не для того, чтобы конструировать хорошую одежду.

– Это неоригинально, – важно заявила Елена Николаевна, не обратившая внимания на костры в глазах Саши. Так же на этих кострах она не заметила себя – ее уже мертвое, угоревшее тело облизывали языки пламени. – Милая моя, все это уже много раз было. Мы здесь вас учим, чтобы вы придумывали что-то новое. Все надо переделать. Нет идеи.

– Новое? – прошипела змея Саша. Она вырвала из кучи работ эскизы одного из фаворитов Елены Николаевны. – Вот это? А кто будет носить это новое? Вы? Это что, атомная электростанция или пальто?!

– Вы что себе... – перепугалась учительница, которая никогда не чувствовала своего авторитета, а лишь прикрывалась властью, возложенной на нее преподавательским саном.

– Вы еще можете со мной договориться! – прикрикнула на нее Саша. – Я подаю жалобу, пишу во все газеты, всем показываю эти мешки для трупов... – она ткнула пальцем в стопку эскизов, и те разлетелись. – Ректору и всем будете объяснять, почему у меня неуд! Или же вы мне ставите «пять» и мы расходимся мирно!

Саша не соображала, что говорит. Она была в бешенстве. Но в большом теле Елены Николаевны скрывалась крошечная, жалкая душонка – недомерыш, головастик, и она испугалась. Не столько угроз – она их не поняла, сколько ярости ученицы.

Она поставила ей «пять». И всегда потом ставила «отлично», хоть и ненавидела Сашу даже после того, как та окончила Академию.

Позже Саша, правда, до того испугалась собственной храбрости, что ее с полчаса рвало в туалете, а руки тряслись еще пару дней.

Саша так любила Сергея, что накурилась как-то в семь утра, перед занятиями.

В таком состоянии ее и застал Никита. Он ждал ее рядом со входом в Академию. Саша еще не отошла от переезда на метро – после травки, которую даже от нее прятал Миша (это была его единственная слабость), все казалось ей другим. Она шла в темных очках, по узкой тропинке памяти, которая вела ее в институт. По обе стороны тропинки были высоченные бетонные стены. Мир за ними казался страшным. Сашу высадили на незнакомой планете и бросили с водяным пистолетом, тубиком картофельного пюре и запасом кислорода на десять минут.

– Прет, – поздоровалась она с Никитой.

– Саш, надо поговорить, – сказал он. – У тебя есть время?

– Кнешно, – кивнула Саша.

– Тебе надо на лекцию?

– Видимо, нет.

Саша уже забыла, для чего она здесь – и тут вдруг мысль о холодной аудитории, о занятиях, о других людях бросилась на нее с кастетом на сжатом кулаке.

Никита отвез ее в кафе. Саша накинулась на еду.

– ...Я о многом думал и понял, что был не прав, – старался Никита. – Я не умею по-другому. Я никогда не сделаю тебе больно. Я эгоист. Я такой.

– Я-я-я! – неожиданно воскликнула Саша. – А обо мне ты подумал?

Если очень много съесть, травка отпускает. Саша вернулась. Но еще не совсем оправилась от отсутствия гравитации в чужих ей космических пространствах.

– Да не о чем нам с тобой говорить, Никита! – психанула она и ушла.

Я приехала к Никите – меня испугал его голос. Ему было плохо. Он заболел, у него снова открылась язва, но больше всего меня пугало, что он не понимает, что происходит. Он прежде не знал, что это такое – страдать от неразделенной любви.

У меня есть приятельница, которая ни разу в жизни не мучилась похмельем. Легкое, как пена, недомогание, едва ощутимая тошнота, жажда первые десять минут после пробуждения – вот и все, что она испытывала.

Однажды мы ждали ее в кафе, и она приехала пьяной в лоскуты. Пила с часа дня. Весь вечер она уничтожала вино, хоть все и уговаривали ее передохнуть. Она уходила в туалет, и появлялась у барной стойки с тремя пустыми бокалами. В конце концов она познакомилась с молодым человеком, и как мы ни звали ее домой, не желала оставлять пост у бара.

На следующий день она могла лишь произнести, что пила до девяти утра и что ей подмешали наркотики. Я испугалась, но чуть позже догадалась, что это просто-напросто первое в ее жизни настоящее похмелье.

У Никиты была мысль, что он подхватил дефицит иммунитета, и теперь каждый день у него появляется новая болезнь.

– Даже и не знаю, что я здесь делаю, – сказала я.

– Как Саша? – поинтересовался он.

– Никита, ну я не понимаю, зачем тебе все это нужно? Как ты можешь страдать, если тебе не нужны эти отношения? Ты же... Это ведь Саша старалась, а у тебя были девки всякие...

Никита сопел, пыхтел, диагностировал астму – ему и правда трудно стало дышать, но я уверенно заявила, что это нервное – моя сестра устраивала такие сцены каждый день – и протянула ему пакет. Туда надо было дышать, вдыхая углекислый газ. Очень успокаивает.

Никита думал, что его независимость, самостоятельность делают его взрослым. Но он был несмышленым самонадеянным дурачком, который все знает о машинах и ничего не знает о чувствах. Он пренебрегал тем, без чего не мог жить. Почему-то он считал, что те, кто его любит, будут с ним всегда. А они то и дело уходили. Он думал, что ему хорошо так, как есть, но Саша изменила что-то в его жизни – и только когда она ушла, Никита ощутил, что жизнь никогда не будет как прежде – это будет жизнь без Саши.

Он любил ее, но не хотел любить, потому как это оказалось слишком тяжело – признать, что ты зависишь от другого человека.

С Никитой у меня тогда возникла одна из тех причудливых форм близости, когда вас с кем-то спланирует нечто стыдное, вроде того, как одну мою знакомую вырвало прямо в бассейне.

Он был некрасив и жалок в своих терзаниях. Хотел, чтобы его научили плакать.

– Оставь ее в покое, – уговаривала я. – Ты никогда не изменишься.

– Но ведь можно что-то придумать... – сопел Никита.

– Не-а... Можно перестать ее мучить.

Миша предложил Саше выйти за него замуж. Она растерялась.

– Ты же не собираешься?.. – Я смотрела на нее с ужасом.

– Да что ты! – вздрогнула Саша.

Мы все не хотели замуж. У нас были большие планы – Саша уже знала, какие, я только мечтала, но свадьба в них не вписывалась. Никто не хотел разводить эту канитель, никто не хотел называться женой. Может, Настя. Или она просто любила вечеринки – дни рождения, свадьбы...

Даже Вика не хотела. Ей нравилось быть любовницей. Она любила свободные вечера, она не собиралась отмечать праздники с одним и тем же человеком. Нам казалось, что таких, как мы, целый мир – но мы просто общались с себе подобными.

Тысячи девушек хотели, чтобы их поскорее позвали за мужа, им плевать было на карьеру, они грезили о платье в виде пирожного безе, о веточках в прическах.

А мы были уверены, что чувства нельзя подчинить законам.

Мы же всего-то и хотели, что покорить весь мир.

Мы презирали тех женщин, которые ровно в шесть складывают добро в сумочку и спешат домой, готовить мужу обед. Мы хохотали над девушкой нашего друга, которая просыпается в пять утра, чтобы замариновать какое-то там восхитительное мясо. Мы орала на нашу подругу, которая оттирала все в квартире, как Золушка – потому что ее молодой человек на этом настаивал. Убираться ей не нравилось, но срабатывал некий инстинкт, который подсказывал, что сидеть часами за компьютерными играми, смотреть «Дом-2», кричать: «Сходи за сигаретами!» должен он, а она должна готовить, драить кафель на балконе и выискивать по углам его покрытые мхом носки.

– Ну и погода... – вздыхала подруга, глядя субботним сентябрьским утром на дождь за окном.

– Отличная погода для уборки! – жизнерадостно откликнулся ее молодой человек, потягиваясь в кровати.

Мы не знали, что происходит по ту сторону баррикад, в мире этих женщин.

Но жизнь так устроена, что ты либо держишься своей точки зрения и превращаешься с годами в закоренелого чудика, либо принимаешь все многообразие вариантов и стараешься поменьше осуждать других за то, что они не такие, как ты.

Я с детства была влюблена в одного режиссера. Конечно, заочно. В нем можно было без труда заметить ту легкость и небрежность, которая выделяет людей, обречших себя на успех и богатство – он был очаровательно самоуверен, ухожен, изнежен.

И больше всего нас, поклонниц, смущала его жена – толстенькая, всегда лохматая, одетая с поразительным безвкусием клуша. Давным-давно она была актрисой – и не самой безнадежной, но ее карьера увяла, едва она вышла замуж.

Они жили вместе двадцать два года.

Я познакомилась с ее племянницей, милой девицей, студенткой ВГИКа.

Племянница рассказала об их жизни. Режиссер уезжает на съемки, но уже через неделю звонит в страхе и ужасе:

– Ничего не получается! Я проклят! Мы обречены!

Его жена тут же мчится на помощь, вычитывает сценарий, улещивает актеров, организует быт, кого-то увольняет, кого-то нанимает. Как жена офицера живет с ним на съемных квартирах, в гостиницах, в фургонах.

Режиссер, гений, может заблудиться в магазине. Может не найти вызванное такси. Она водит его за руку.

Племянница привела меня в их дом, и неожиданно, против моего желания, эта жена с большой буквы, эталон самоотречения, несостоявшаяся Чурикова, мне понравилась.

Пухленькая, энергичная, необыкновенно умная и настоящая.

– Вы не жалеете, что отказались от карьеры? – набравшись храбрости, спросила я.

Почему-то мне легко было разговаривать с ней на не деликатные темы.

– Поверь, я никогда и не мечтала, что стану домохозяйкой, – призналась она. – Но ты понимаешь, мы были в Индии, там идешь по улице и видишь этих нищих, они умирают, грязные, голодные... И ты думаешь: «Что за черт? Какая еще карьера? О чем я думаю? Эти люди гибнут, а у меня все есть!»

Конечно, в ее словах была доля лукавства, потому что никак не связаны бомбейские нищие с актерской карьерой, но она наслаждалась своей жизнью, и у нее был важный аргумент – ее нервный муж не стал бы тем, кем его знают миллионы поклонников, без нее. В отличие от него она умела просто наслаждаться жизнью – каждый день, пусть и за его счет.

– Я люблю его. А теперь представьте... – обращалась она к нам. – Что мне пришлось бы переживать не только за его успехи и неудачи, но еще и за свои. Если ты актер, то каждый день ждешь, что вот придет слава, я стану великим – и вся твоя жизнь проходит в этом ожидании. Я работала как лошадь, я любила театр, кино, но поняла, что упускаю что-то очень важное. Все эти интриги, критика – ты подсаживаешься на них.

Конечно, ее трудно назвать умной в том смысле, который мы вкладываем в это слово. Но она была мудрой. То, что называют «по-женски мудрой», хоть я и не выношу такое определение.

Ее трудный муж не вытерпел бы рядом красавицу – одаренную, амбициозную, вспыльчивую. Он бы спился или сошел с ума.

Она сделала выбор – и ни разу о нем не пожалела.

Мне все это чуждо, не до конца понятно, но она казалась такой доброй, счастливой, такой теплой и радостной, что невозможно было отрицать – у нее чудесная жизнь.

Она умела жить для других – и даже я от общения с ней стала добрее.

Но мы-то были эгоистами, и знали это, и остались такими, потому что эгоизм – наша религия. Мы странные. Но мы тоже настоящие. Никто из нас не избалован. Мы капризничаем тихо, сами с собой, радуем себя дорогими покупками и необдуманными поступками. В конце наших дней мы составим список того, о чем мечтали, – и все пункты в нем будут вычеркнуты.

А вот если бы мы были мировым правительством и кто-то, предположим, мой умный друг Ираклий, юрист, спросил:

– Кто этот человек, которого мы, с одной стороны, хотим видеть счастливым, а с другой, который сделал бы так, чтобы люди не только размножались, но и строили общество нового типа, развивали цивилизацию, а не уничтожали ее? Кем мы будем манипулировать ради мира во всем мире?

И тогда я первым делом указала бы на Мишу. Я ответила бы:

– Посмотрите на этого симпатичного молодого человека. Он хочет жениться. Хочет рожать детей. Он хочет брать кредиты, но при этом осторожен и не любит попусту рисковать. Ему есть ради чего трудиться и платить проценты. Он надежен, как военная техника. Он собирает знания, но не подозревает, что у него нет собственного мнения. Своим мнением он считает миллионы мыслей, записанные с чужих слов. Ему можно внушить все, что угодно.

И если бы нам, совету директоров земного шара, пришлось выбирать Мише жену, и кто-то сказал бы, что он сделал предложение Саше, мы бы долго и громко хохотали, довольные этой шуткой.

Мы бы сделали все, что возможно, ради спасения нашего идеального гражданина от девушки, которая не подходит для его замечательной посредственной жизни.

Ведь если Никита – пиво, Саша – тирамису, то Миша – крем для обуви. Он утилитарен и функционален. А мы и тогда и сейчас сторонились всего утилитарного и функционального – мы поклонялись красоте.

– Мне двадцать с половиной лет, – сказала Саша Мише. – Я учусь на четвертом курсе.

Миша был старше, ему исполнилось двадцать пять.

– Я не могу выйти замуж в двадцать лет, – продолжала Саша. – Это бессмыслица.

Мечты Миши были похожи на рекламу какой-нибудь добавки для супа. Счастливая семья, кухня (из рекламы кредитных карт), веселый лабрадор (из рекламы собачьего корма), ребенок (демографическая программа плюс год семьи).

Для Миши все было просто – пока Саша завершает образование, они живут для себя. В ее двадцать два/двадцать три – первый ребенок, в двадцать шесть – второй.

– А что дальше? – спросила у меня Саша.

– К тридцати пяти вы расплачиваетесь с банком, занимаетесь сексом раз в два месяца, в тридцать шесть ты ему изменяешь, в тридцать девять он уходит из семьи, потому что годы идут, а он так и не начал жить, – заверила ее я. – Ты же читала об этом тысячу раз. Так все и будет.

– Ну да, – согласилась Саша.

Кто-нибудь... например, Вера, которая вышла замуж в восемнадцать и родила в девятнадцать, сказал бы, что таким, как мы, грозит одиночество.

Но мы его не боялись. Мы были первым поколением девушек, у которых на душе не скребли кошки, когда они думают о том, что в тридцать они останутся одни.

Мы ведь станем богаты. Знамениты. У нас есть много любовников. А потом мы купим домик на Гавайях, сдадим городские квартиры, и наши морщинистые лица будет согревать тропическое солнце, а пергаментную кожу приласкает морской прибой.

Мы никогда не станем одиноки, потому что у нас есть подруги, кто-то из нас родит детей – и мы будем любить их все вместе, а главное – у нас будет дело, ради которого стоит жить.

Таким был наш Воображариум.

Я уже писала в журналы и меня любили, давали работу, поэтому мы с Сашей сняли квартиру у станции метро «Улица 1905 года».

Саша начала тайно встречаться с Никитой. Я схватила ее за руку, и тогда она сказала, что это просто секс. Она ведь не может отказаться от лучшего секса в жизни?

– Можешь, – убеждала я ее.

Я тогда еще не знала, что не стоит лезть в чужие отношения. Не знала, что только двоим понятно, что между ними происходит.

Она приезжала к нему, они смотрели телевизор. Ужинали. Саша мыла посуду. Был секс. Иногда Никита отвозил ее домой, но чаще она уезжала на такси.

– Он платит за такси? – спрашивала я.

– Нет, – качала головой Саша, а я возмущалась.

Выяснилось, что Настя потихоньку видится с Мишей. Я хотела было поссориться с ней, но Саша убедила меня, что так даже лучше.

Я заметила, что в отношениях Саши и Никиты появилось что-то новое – рутина. Как с этим справиться, они не знали.

Не знали, что настоящая любовь имеет очень много уровней – на одних тебя пожирает ненависть, на других охватывает отчаяние, часто ты сомневаешься и боишься, что всю жизнь – долгую, долгую жизнь – будешь привязана к одному человеку. Но есть некий рубеж, перебравшись за который, ты понимаешь, что есть удивительная вещь – близость, которая прошла через все испытания, и человек становится таким родным, что это не променяешь ни на что на свете.

Саша отправилась на день рождения Агнии Богдановны. Я ее не узнала – не думала, что моя подруга такая красотка. Саша надела платье, которое сама сшила, с широкой юбкой-клеш, с открытой спиной и воротником-стойкой. Красные туфли, красная помада, пучок – ракушка. Она была загорелой, тонкой и хрупкой – и где-то у нее за плечами, казалось, играл джазовый оркестр, и толстая негритянка с полуприкрытыми глазами напевала о том, что нет вечной любви, и пахло отцветающим жасмином.

Наша квартира показалась мне тогда отвратительной. Саша сияла – и в этом голубоватом свечении я увидела, как мы с ней живем.

В лифте, поднимаясь в квартиру родителей, – определенно это были интриги провидения – Саша встретила Сергея.

На этот раз он был в серой рубашке-поло с короткими рукавами. По мнению Саши, никому так не шли рубашки-поло, как ему.

Они очень подходили друг другу – девушка в платье шестидесятых, и мужчина-поло с сигарой.

– Вот, приехала к маме на день рождения, – сказала Саша.

– Рад вас видеть, – ответил Сергей. – Ммм... А можно как-нибудь с вами встретиться... в другом месте? Это не слишком нахально с моей стороны – пригласить вас на ужин?

У Саши задрожали руки. Никто так с ней не обращался!

Этот мужчина, такой красивый и любезный, такой взрослый...

Никита ухаживать не умел. В его системе ценностей не было такой графы – ухаживания.

Миша ухаживал скучно, но назойливо.

Последний раз за Сашей красиво ухаживал друг ее отца – но тогда ей было всего двенадцать. Этому старому извращенцу поручили ребенка ровно на день, и было это в Грузии, в Боржоми.

Друг отца был композитор, довольно известный. Его звали Максим. Высокий, загорелый тридцатипятилетний прожигатель жизни носил светлые выгоревшие джинсы, белую летнюю рубаху и сандалии – это Саша запомнила на всю жизнь.

Родители уехали на экскурсию в горы.

Саша уже была в Максима влюблена – все женщины были в него влюблены, даже Агния Богдановна не осталась равнодушна к его обаянию.

Максим встретил Сашу в холле, отвел в ресторан при гостинице и сказал официантке:

– Пожалуйста, омлет для моей принцессы.

Он обращался с ней как со взрослой. Если бы Саша действительно была взрослой, возможно, снисходительное, хоть и ласковое, но властное обхождение ее бы насторожило. Но она была ребенком, привыкла к тому, что ей покровительствуют.

Они поехали в город. Максим подавал ей руку, поднимал за талию, чтобы она увидела горы, трепал по голове.

На обед он отвел ее в хороший ресторан, где разрешил попробовать вино и заказал ей дорогие блюда. Позже он встретился с друзьями и церемонно представил им Сашу. Он пригласил ее танцевать.

В обществе красивых взрослых женщин и успешных мужчин Саша чувствовала себя особенной. Она была с ним. Одна дама строила ему глазки, флиртовала более чем откровенно – и Саша мучилась от ревности.

Тогда она смутно понимала природу своего волнения, хоть и знала почти все об отношениях мужчины и женщины. Она была ребенком и в отличие от некоторых своих сверстниц не мечтала даже о поцелуях. Хватило и того, что на обратном пути он держал ее за руку.

Наверное, даже такой опытный распутник, каким был Максим, не позволил себе скоромных мыслей о двенадцатилетней девочке, дочери своих приятелей.

Но в ней уже просыпалась женщина, и никуда было не деться от этой наивной сексуальности, от страсти, ревности и безнадежной девичьей влюбленности.

В ресторане она сидела у него на коленях, чувствовала небрежно положенную руку у себя на талии, держалась за его плечо – и запомнила эти ощущения навсегда.

И еще запомнила один взгляд – совсем не отеческий, оценивающий, похотливый.

– Хватит уже таскаться за Максимом! – прикрикнула на нее мать спустя пару дней. – Ты ставишь человека в неудобное положение!

Но как можно было отказаться?..

Ни моря, ни озера не было. Загорали на холме, в кустах шиповника, под соснами.

Солнце его припекло, и только по линии шортов виднелась светлая полоска, и он был такой ухоженный, стройный, а на его длинных пальцах поблескивали старинные кольца... Саша дурела от собственной наготы, от тела, открытого ветру и его взглядам, и ей очень хотелось провести ладонью по его животу...

Вскоре у него появилась женщина.

Саша увидела их на улице вечером. Они целовались, и его рука была у нее на груди. Саша вернулась в лобби и заплакала. Максим нашел ее, отвел в номер, где не было родителей – те ужинали с друзьями.

Он усадил ее на колени, вытер слезы, погладил по голове.

– Сначала тебе надо вырасти, – сказал он и поцеловал ее в щеку и в уголок губ.

Саша не ошибалась – что-то между ними было, и Максим это понимал, но, к счастью, не мог перейти границу.

Он ушел к своей женщине, а Саша сняла платье и долго рассматривала в зеркале свою уже не детскую, но еще и не женственную фигуру.

Девочки всегда влюбляются во взрослых мужчин. Но и взрослые мужчины влюбляются в маленьких девочек.

Но это не та любовь, которая ведет к нарушению Уголовного кодекса.

Это любовь без прикосновений, без надежд, хотя от нее точно так же кружится голова. Это Воображариум – тайный мир фантазий, где нет ни возраста, ни границ, ни преступлений.

Мой знакомый грузин, Давид, о чьем роде занятий лучше не вспоминать (теперь, конечно, он уважаемый деловой человек), рассказал мне одну историю. Разумеется, извращенную – я такие всегда любила.

Он был принят в доме великого грузинского режиссера. Грузины как-то иначе воспринимают реальный мир – бандиты, кажется, представляются им кем-то вроде Робин Гудов, иначе как еще можно объяснить, что почти в кастовом обществе, где ученый, художник даже не поздоровается с нуворишем, воры в законе пишут пьесы, а знаменитые писатели их читают и хвалят?

И вот мой Давид, друг дома, увидел наконец дочь своих друзей.

Я встретила ее много позже – она была немного уставшей от веселой жизни, со следами прожитого на лице, но все еще сказочно красивой женщиной. Наверное, ей было года тридцать три. Большой красивый рот, глаза небесной голубизны, точеное лицо... Она была хулиганкой, заводилой, дочерью мировой знаменитости.

Давид пропал. Он ждал пять лет.

Едва ей исполнилось шестнадцать, Давид соблазнил ее (ему так казалось), но она призналась, что в двенадцать потеряла невинность с тренером по теннису.

И уж точно она не была невинной жертвой – она уже знала от старших подруг, что такое секс, и грезил им.

Другая моя знакомая, я с ней училась, казалась мне верховной занудой, зубрилой и маменькиной дочкой. Она поразила меня в самое сердце, признавшись, что у нее с тринадцати есть любовник, мужчина тридцати четырех лет.

Может, с точки зрения общества и лично с моей, есть в таких отношениях что-то порочное, и уж точно – противозаконное, но девочки лет тринадцати так сексуальны, что им самим все это кажется нормальным. Если ты читаешь «Лолиту» в четырнадцать – для тебя это история любви.

Саша никогда больше не видела Максима. Он уехал в Бельгию и писал там музыку для телесериалов.

Ее первым мужчиной стал красивый мальчик, будущий архитектор.

Однажды она проснулась и решила – это произойдет сегодня!

В компании она выбрала Антона, потому что он был самый нежный, ласковый, чувственный. Позже выяснилось, что все эти его качества объяснялись тем, что будущий архитектор

пристрастился к героину – именно поэтому он никак не мог кончить, на некоторое время зародив в Саше комплексы определенного рода.

Саша тогда здорово перепугалась и сдала анализы на все на свете.

Так и началась череда доступных, всегда голодных мальчиков, из которых одни были в сексе хороши, другие – ужасны. Они были капризны, невыносимы, навязчивы или же, наоборот, неуловимы. Они вели себя глупо, шутили, как грузчики, и не знали, что делать с руками, когда те лежат у девушки на груди.

Сергей пригласил Сашу в какой-то очень хороший ресторан.

Она была удивительно спокойна, чем меня немного разочаровала.

– А какой смысл нервничать?! – воскликнула она. – Это с Никитой мне надо нервничать – стоит отвернуться, как он уже дерет какую-нибудь девку.

Перед выходом она, правда, разволновалась – ее стало тошнить, но я быстро налила ей стопку коньяка и вернула к действительности.

В тот вечер я позвонила Никите. Я хотела просто поболтать, разведать, как он там, но ни с того ни с сего мы поехали с ним кататься на мотоцикле, оказались на озере и купались голые – в теплой воде, под светом луны.

Я спросила, почему он не ухаживает за Сашей.

Он поинтересовался, в чем проблема.

Я ответила, что проблема в том, что у них, в моем понимании, диковатые отношения – он, Никита, хочет быть с Сашей, но ничего ради этого не делает.

Чего он ждет – вот что было мне интересно.

Никита признался, что запутался, Саша ему даже толком не нравится. Он смотрит на нее и удивляется: почему она? Ему нравятся такие девушки, как Вика.

Кроме того, ему не хочется ни за кем ухаживать. Это просто секс.

Но я-то помнила, как он страдал.

Он хотел вернуть Сашу.

Скучал.

В чем же дело?

Никита пожал плечами.

А дело было в том, что Никита думал, что любовь – это когда кровь приливает к пенису.

Он считал, что его идеал – грудастая красавица с длинными ногами и пышной задницей. Есть такие сказки для мальчиков, где принцесса – непременно блондинка с выдающимся бюстом, мускулистыми ногами и навыками портовой шлюхи. Богиня поллюций.

Ему было двадцать три года, и он имел полное право обижать ровесниц, которые бежали от таких, как он, к взрослым мужчинам.

Никита любил Сашу, но это не укладывалось у него в голове. У нее не было груди, локонов, задницы и пупка с сережкой.

Именно поэтому женщины время от времени и задумываются о том, что все мужчины – животные. А мужчины боятся женщин, потому что те выворачивают им руки.

Я согласилась с Никитой, что Саша слишком лихо взяла его в оборот. Но я понимала и Сашу, которую задевала небрежность, с какой Никита обращался с их хрупкими чувствами.

Саша не хотела замуж, она хотела просто быть с Никитой. Только ей хотелось, чтобы он стал взрослым, ответственным, умел с ней обходиться.

Никита и Саша с воодушевлением молодых, неопытных людей хотели, чтобы каждый из них стал кем-то другим.

В юности длительные отношения обречены. И не только потому, что очень хочется секса с разными людьми, а потому, что никто не умеет мириться с чужими недостатками, понимать, что достоинства партнера того стоят.

По большому счету, я тогда еще не умела сочувствовать, и мне было просто интересно слушать их истории.

Со свидания Саша вернулась сама не своя.

Благородный мужчина усадил ее в «БМВ», отвез в ресторан.

Там она заказала рыбу, он – мясо.

– Что ты пьешь? – спросил Сергей.

Саша, как и большинство людей ее возраста, пила все, но в этот раз задумалась и выбрала «Лонг айленд».

– А ты? – любопытствовала она.

– Коньяк. Сегодня напьюсь.

– Почему? – насторожилась Саша.

– Ну, закончился пост, так что сейчас можно.

– А ты... постишься?

Сергей кивнул. Видимо, он не любил лишних слов.

– Зачем? Ради здоровья? Или есть необходимость себя ограничивать? – настаивала Саша.

– А ты не веришь в Бога?

– Верю, просто не понимаю, почему вера в Бога имеет отношение к тому, ешь ты мясо или нет. Я и так его почти не ем. И что, сексом ты тоже два месяца не занимался?

Саша понимала, что ее занесло. Но остановиться не могла: мы так часто обсуждали эту потребность христиан себе в чем-то отказывать – ради весьма неопределенного ощущения, что таким образом ты укрепляешь веру. Во время поста можно покупать модную одежду? А стоит ли ужинать в хорошем ресторане? Может, стоит отложить дорогие шампуни и втирать в волосы мыло для посуды?

Мы все были против этого.

Сергей покраснел. Саша умилилась.

– Ладно, прости, – пробормотала она.

– Если у меня есть девушка, я занимаюсь сексом, – ответил Сергей.

– Извини. Давай поговорим о чем-то еще.

Все было очень мило. Они поговорили о чем-то еще.

– Я никогда не поверю, что какое-нибудь там ФСБ или ФБР может взрывать дома у себя в стране! – Саша решительно отвергала теорию заговора спецслужб.

– Но... – начал было Сергей, только Саша его перебила:

– Нет никаких «но»! Я отказываюсь в это верить. Точка! Это самое ужасное, что я слышала в своей жизни. Хочу быть слепой и глухой, ладно?

Саша говорила и слушала, но думала лишь о том, будут ли они сегодня целоваться. Она решила, что ни за что не станет заниматься с ним любовью сегодня – эта история должна быть романтической, неспешной. Сергей не раздевал ее глазами, он был деликатен и учтив, но почему-то она чувствовала себя более желанной, чем с Никитой, который первым делом снимал с нее трусы.

Она рассталась с Сергеем, зашла в подъезд, подождала, когда он уедет, и отправилась к Никите в Бескудниково. В ту ночь ей очень нужен был мужчина.

Позже она сказала, что это было ошибкой.

Пока она развлекалась с Никитой, Сергей прислал ей длинное, красивое и очень страстное сообщение.

Мы с Настей уверяли Сашу, что она все сделала правильно – первый раз занималась с Никитой любовью не как отчаянно влюбленная дуручка, а как уверенная в себе, вожденная женщина, которой просто очень понадобился хороший секс.

Никита, впрочем, тоже ощутил смещение приоритетов.

Он вдруг принялся Саше названивать. Пригласил ее в ресторан.

– Не понимаю, он что, умственно отсталый? – негодовала Саша после свидания.
В ресторан Никита оделся так, как будто в турпоход собрался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.